

TOMASZ BUGAJ

Uniwersytet Śląski w Katowicach

<https://orcid.org/0000-0001-7523-4037>

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРЕСЛЕДОВАННЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ

CULTURAL PRACTICES, LITERARY EVIDENCE AND PERSONAL
DOCUMENTS OF PERSECUTED JEHOVAH'S WITNESSES

The article deals with memoir texts written by the members of a religious minority group repressed by the Soviet Union authorities. The author of the article pays significant attention to the specifics of the texts, the motives for recording the stories, and the subject of the memoirs themselves. Most often, the authors of the memoir texts reported on the course of exile to Siberia, difficult living conditions and constant overwork. They talked about being in labour camps, beatings, surveillance and other forms of repression. In addition to the analysis of selected issues, the author of the article discussed also the texts under analysis role. These written texts are not only crucial historic documents that tell about past events. They are the testimonies of those events victims. They are an element of cultural practice and, among other things, are aimed to create a sense of community, reveal the values which dominate within the group and to promote certain behaviour codes which include maintaining loyalty to beliefs and totalitarianism.

Keywords: memoirs, repressions, Jehovah's Witnesses, USSR

W KRĘGU PRAKTYK KULTUROWYCH, LITERACKICH ŚWIADECTW
ZNIEWOLENIA I DOKUMENTÓW OSOBISTYCH
PRZEŚLADOWANYCH ŚWIADKÓW JEHOWY

W opracowaniu dokonano przeglądu tekstów memuarystycznych powstałych wśród mniejszościowej wspólnoty religijnej represjonowanej przez władze Związ-

ku Radzieckiego. Zwrócono uwagę na ich specyfikę, motywy spisywania swej historii, a także tematykę wspomnień. Autorzy najczęściej relacjonowali przebieg deportacji na Syberię, surowe warunki życia i katorżniczą pracę. Opowiadali o pobycie w łagrach, pobiciach, inwigilacji oraz innych formach represji. Poza analizą wybranej problematyki omówiono funkcję, jaką dziś pełnią badane teksty. Nie tylko tworzą one barwny dokument minionych zdarzeń, ale również są świadectwem składanym przez ofiary. Stanowią element praktyki kulturowej i służą między innymi budowaniu poczucia wspólnotowości, eksponowaniu wartości obowiązujących w obrębie grupy, a także promowaniu określonych wzorców zachowania, polegających na pozostawaniu wiernym swym przekonaniom i stawianiu oporu totalitaryzmowi.

Słowa kluczowe: memuarystyka, opowieści wspomnieniowe, represje, świadkowie Jehowy, ZSRR

Статья является продолжением анализа вопросов, частично изложенных во время одной из регулярно проводимых во Львове международных религиозно-научных конференций *История религии в Украине*, а также вошедших в мою монографию¹. Будут рассмотрены три новых автобиографических текста Свидетелей Иеговы, циркулирующих в интернет-пространстве. К сожалению, в печатном виде существует только один. Это связано с тем, что в настоящее время эта религия запрещена в России и издавать подобные биографии рискованно.

В советское время преследовались многие религиозные общины, в том числе и Свидетели Иеговы. Глядя на их мемуарные тексты, стоит задуматься, какое значение в настоящее время они имеют, какую функцию выполняют, а также являются ли они художественными текстами. А может, следует рассматривать их только как исторический источник или личный документ ушедшей эпохи?

Вначале представлю очерк истории вероисповедания Свидетелей Иеговы в России, что поможет понять ситуацию авторов. Появление новой религии в Российской империи связано с 1891 годом, когда Семен Козлицкий, выпускник православной духовной семинарии, познакомился с Чарльзом Тейзом

¹ T. Bugaj, *Pamięć represji. Świadkowie Jehowy w Związku Radzieckim*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2021.

Расселом, руководившим деятельностью Исследователей Библии, как тогда назывались Свидетели Иеговы. За распространение новых верований — хотя официальной версией было оскорбление архиепископа Московского — сослан в Сибирь. В первые годы XX века в различных частях империи стали появляться небольшие группы верующих, поддерживающих связь с единоверцами из-за границы. Перед Первой мировой войной учение Исследователей Библии распространялось в России через библейскую литературу, поставляемую из Германии или Польши, находившейся в то время под влиянием других держав. В межвоенный период ярко развивался процесс евангелизации, главным образом среди эмигрантов, покинувших Россию после начала революции. Однако это не означает, что количество верующих внутри страны осталось на прежнем уровне. Значительную роль в росте количества новых членов сыграли периодические издания на русском языке и радиопередачи в виде лекций, в ходе которых разъяснялось содержание Библии.

Как и в других странах, Свидетели Иеговы в СССР были полностью нейтральны во время Второй мировой войны, поэтому они отказывались от участия в боевых действиях. Члены общины были готовы столкнуться с последствиями своих убеждений и были полны решимости повиноваться заповеди «Не убивай». В 1940–1945 годах более тысячи Свидетелей из Украины, Молдавии и Прибалтики были отправлены в трудовые лагеря в глубь России за свои убеждения. Присоединение западных территорий к СССР означало появление многих представителей Свидетелей Иеговы в советском обществе. Атеистические власти делали все возможное, чтобы заставить верующих отказаться от своих убеждений. Сразу после окончания войны начались первые суды и депортации, причиной которых была принадлежность к религии «иеговистов».

Несмотря на ожесточенное преследование, Свидетели продолжали ревностно распространять свою веру. Это раздражало центральное правительство в Москве, особенно чиновников Министерства государственной безопасности (МГБ),

которые планировали массовую депортацию и обратились к Сталину с просьбой разрешить переселение 8576 человек из шести республик в Сибирь². Акция депортации состоялась 8 апреля 1951 года. Верующие, зверски лишенные своего имущества, были вывезены в скотных или товарных вагонах в нечеловеческих условиях в Сибирь. Там их помещали в бараки и направляли в колхозы или на другие рабочие места. Ссылка была для них травмирующим опытом и была связана с переживанием культурного шока. Новая действительность требовала приспособления к трудным условиям быта, но не мешала людям проповедовать Евангелие местным жителям и в результате в Сибири стали появляться новые общины верующих.

Другие формы репрессивной политики властей по отношению к верующим заключались в выслеживании, обысках, слежке, помещении в трудовые лагеря или психушки, а также в избиениях или шантаже. Верующим препятствовали в получении образования и трудоустройстве. У некоторых забрали детей и отправили в детские дома, без ведома и согласия родителей. Показательные суды были организованы с целью атаковать их в публичном пространстве. Использовалась огромная пропагандистская машина. Такая ситуация продолжалась до распада Советского Союза. Только в новой, постсоветской реальности вероисповедание смогло начать легальную деятельность, связанную, в том числе, с организацией дела проповеди, строительством молитвенных зданий и проведением религиозных встреч и конгрессов. Ситуация изменилась в 2017 году, когда Верховный суд России решил о ликвидации всех организаций Свидетелей Иеговы, что вызвало новую волну гонений.

Сергей Мокрицкий, Павел Рурак, Сильвер Силликсаар, Олег Голько, Сергей Равлюк, Виктор Гутшmidt и Марьян Пороховник — лишь некоторые из нескольких тысяч Свидетелей Иеговы, подвергшихся репрессиям со стороны тоталитарной

² М.И. Одинцов, *Совет Министров СССР постановляет: «выселить навечно!»*. Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.), Арт-Бизнес-Центр, Москва 2002, с. 44–45.

власти Советского Союза. Авторы из стран бывшего СССР решили обнародовать свои воспоминания, благодаря чему память о трагических событиях стала доступной более широкой аудитории, в том числе исследователям, представляющим академическое сообщество. Их мемуарные издания появились в нескольких странах, включая Польшу, Украину и Россию в первых десятилетиях XXI века.

Автобиографические рассказы репрессированных Свидетелей Иеговы, которые на протяжении нескольких десятилетий принадлежали к числу т. н. «забытых жертв», представляют собой интересный материал для исследований, главным образом религиозных, литературоведческих и культурологических. Стоит отметить, что исследования в области этнографии следует считать новаторскими. Благодаря изучению фольклора история преследований Свидетелей Иеговы со стороны тоталитаризмов XX века смогла обрести прочную основу. Однако было оно предпринято достаточно поздно и первоначально касалось только нацистского тоталитаризма. В 1969 году была опубликована первая статья, положившая начало исследованиям этого вопроса³. Смысл религиозности, ее появление или исчезновение перед лицом огромных страданий и вездесущей смерти, был проанализирован позднее в диссертации *Стратегии религиозности в субкультурах*⁴. Поэтому фольклористам следует приписать инициирование исследовательской работы и привлечение интереса академической среды к положению этой религии⁵. До 1990-х годов другие на-

³ M.H. Kater, *Die Ernsten Bibelforscher im Dritten Reich* // „Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte“ 1969, т. 17, № 2, с. 181–218.

⁴ R. Girtler, *Strategien der Frömmigkeit in Subkulturen* // H. Eberhart, E. Horandner, B. Pottler (ред.), *Volkskundetagung 1989 in Graz (Buchreihe der Österreichischen Zeitschrift für Volkskunde, N.S., Bd. 8)*, Selbstverlag Verein für Volkskunde, Wien 1990, с. 367–388.

⁵ Ch. Daxemüller, *Solidarność i wola przetrwania — postawa religijna i normy postępowania Świadków Jehowy w obozach koncentracyjnych* // H. Hesse (ред.), *Najodważniejsi byli zawsze Świadkowie Jehowy. Prześladowania i sprzeciw Świadków Jehowy w okresie reżimu hitlerowskiego*, перев. А. Matelska, J. Haas, A propos, Wrocław 2010, с. 29–46.

учные дисциплины, включая историю, не принимали более активного участия в изучении ситуации группы Свидетелей Иеговы в Германии⁶. Среди польских исследований заслуживают внимания работы Александры Мательской, которая собирала и анализировала рассказы жертв нацизма⁷. Также стоит подчеркнуть важность новаторской работы Кшиштофа Билинского, вроцлавского литературоведа, благодаря которому мы узнаем о судьбах отдельных верующих со всей Польши⁸.

Среди воспоминаний, принадлежащих «лиловым треугольникам» — Свидетелям Иеговы, отмеченным в лагерях пришитым к одежде лиловым треугольником, — следует упомянуть автобиографии: Ганса Вернера Куссерова *Fioletowe trójkąty*⁹, Хенрика Дорника *Wytrwałem dzięki miłości Bożej*¹⁰, Симон Арнольд Либстер *W paszczy Lwa. Mała dziewczynka stawia czoło reżimowi hitlerowskiemu*¹¹, Хорста Шмидта *Смерть приходила в понедельник. Автобиография человека, ставшего жертвой преследований за отказ служить в нацистской армии*¹², Александры Бочек (ред.) *Kroczyliśmy wąską drogą. Wspomnienia Jana i Ireny Otrębskich*¹³, Макса Либстера *Promyk nadziei w nawałnicy nazistowskiej. Historia ocalałego*

⁶D. Garbe, *Zwischen Widerstand Und Martyrium: Die Zeugen Jehovas im „Dritten Reich“*, R. Oldenbourg Verlag, Munich 1994.

⁷A. Matelska, „... w miłości nie ma bojaźni”. *Nazistowskie prześladowania Świadków Jehowy w Polsce*, A propos, Wrocław 2009.

⁸K. Biliński, *Hiobowie XX wieku. Wspomnienia Świadców Jehowy (Badaczy Pisma Świętego)*, Wydawnictwo Pagina, Wrocław 1998.

⁹H.W. Kusserow, *Fioletowe trójkąty. Rodzina Kusserowów. Autentyczna relacja naocznego świadka*, перев. А. Boczek, A Propos, Wrocław 2010.

¹⁰H. Dornik, *Wytrwałem dzięki miłości Bożej*, A propos, Wrocław 2007.

¹¹S.A. Liebster, *W paszczy lwa. Mała dziewczynka stawia czoło reżimowi hitlerowskiemu*, перев. А. Boczek, A propos, Wrocław 2007.

¹²X. Шмидт, *Смерть приходила в понедельник. Автобиография человека, ставшего жертвой преследований за отказ служить в нацистской армии*, Особая книга, Москва 2009.

¹³A. Boczek (ред.), *Kroczyliśmy wąską drogą. Wspomnienia Jana i Ireny Otrębskich*, A propos, Wrocław 2008.

z *holocaustu*¹⁴, Эрмины Шмидт *Ocalona radość. Wspomnienia młodej dziewczyny z lat 1925–1945*¹⁵, Бернарда Раммерсторфера *Несомненная воля. Необычайное мужество обычного человека. История выжившего в нацистских концлагерях. Леопольд Энглейтнер, год рождения 1905*¹⁶.

Автобиографии верующих, посвященные репрессиям тоталитарной коммунистической власти СССР, представляют собой впечатляющий и интересный материал, как и воспоминания, связанные с нацизмом. Вызывает недоумение, что лишь некоторые из многочисленных жертв социалистического режима решились опубликовать свои мемуары. Много причин этому. На протяжении долгих десятилетий XX века Свидетели Иеговы принадлежали к маргинализованному и стигматизированному социальному элементу. Они стали объектом атаки пропагандистов. Более того, как «врагам народа» им было отказано в легализации, что заставило их уйти в подполье. В те времена вести дневники, заметки и воспоминания было опасно. С другой стороны, развивалось устное творчество, что естественно в таком социальном контексте. Были написаны бесценные рассказы, стихи и песни¹⁷.

Среди авторов воспоминаний — Сергей Мокрицкий, с которым я лично познакомился, проводя полевые исследования в странах бывшего СССР среди депортированных в Сибирь. В 2012 году в Москве вышла его книга *Путь христианина*¹⁸. Во время встречи со мной в 2010 году Мокрицкий еще работал над

¹⁴ M. Liebster, *Promyk nadziei w nawałnicy nazistowskiej. Historia ocalałego z holocaustu*, перев. А. Boczek, А propos, Wrocław 2008.

¹⁵ H. Schmidt, *Ocalona radość. Wspomnienia młodej dziewczyny z 1925–1945*, перев. D. Seifert, А. Boczek, А propos, Wrocław 2009.

¹⁶ Б. Раммерсторфер (ред.), *Несомненная воля. Необычайное мужество обычного человека. История выжившего в нацистских концлагерях. Леопольд Энглейтнер, год рождения 1905*, Особая книга, Москва 2011.

¹⁷ Т. Бугай, *Современное проявление форм фольклора: устные рассказы, песни и стихи преследованных за веру Свидетелей Иеговы в Советском Союзе* // «Матеріали до української етнології» 2014, № 13 (16), с. 200–205.

¹⁸ С.И. Мокрицкий, *Путь христианина*, Особая книга, Москва 2012.

своей автобиографией. Автор, как рассказчик от первого лица, начинает свою историю в хронологическом порядке: «Родился я 27 марта 1928 года на западной Украине, в селе Лобачевка Берестечковского района Волынской области»¹⁹. Мифологизация детских времен открывает перед читателем польско-украинское пограничье как мирный край, где царили терпимость, согласие и сотрудничество соседних народов. И каждый, независимо от того, на каком языке говорили дома, мог общаться и на языке соседа. В школах преподавали религию «по средам — для православных, по пятницам — для католиков»²⁰. И хотя соседи автора в большинстве не были состоятельными, но благодаря своему трудолюбию они хорошо справлялись с повседневными заботами: «Основная часть жителей села — украинцы, крестьяне, труженики сельского хозяйства: бедняки, середняки и немного зажиточных»²¹. Автор знакомит нас со своей семьей из приграничных районов: «Родители мои были крестьянами-средняками, то есть, не слишком бедными, но и небогатыми. По национальности — украинцы, а по вере — православные»²².

Очень интересным моментом, зафиксированным в автобиографии, является обращение автора в новую веру, так как оно дает представление о ряде процессов, влияющих тогда не только на жизнь самого человека, но и на его окружающую среду. Мокрицкий так вспоминает первое знакомство с новыми верованиями:

С Польши донеслась весть о новой религии — «Бадачи письма святого». Их называли просто «Бадачи». Они на велосипедах развозили и продавали религиозные книги и журналы. Помню, как отец ответил на их предложение: «Нет денег купить». Тогда они дали даром. Хотя отец в то время не интересовался этой литературой, но, поскольку предложили бесплатно, отказаться было неудобно. В свое время эта литература сделала свое дело»²³.

¹⁹ Там же, с. 5.

²⁰ Там же, с. 6.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 5–6.

²³ Там же, с. 7.

Более близкое знакомство с членами общины и контакты с издательствами Исследователей Библии пробудили интерес к библейским истинам и со временем привели к вступлению в ряды последователей этого религиозного течения. Позднее обращение было моментом, изменившим в дальнейшем весь образ и уклад жизни, определившим их будущее. Это повлияло на отношения с родственниками и соседями. Оставив верования своих предков, адепт новой религии стал объектом неприязни и даже ненависти соседей или родственников. Поиск собственного места путем преобразования означал, что традиционная модель была для них до этого времени неполноценной. Семейная мировоззренческая ориентация до сих пор была неудовлетворительным ориентиром жизнедеятельности²⁴.

Произведение Мокрицкого представляет собой рассказ о «суде», который прошел главный герой за «твердый отказ изменить своим религиозным убеждениям». Он столкнулся с давлением со стороны родственников, попытками завербовать его КГБ, а также был заключен в тюрьму. Его история — свидетельство тоталитарных зверств. Мокрицкий описал допросы в КГБ, инсценировку заключенных и лагерные будни. В автобиографию он включил много сведений о духовной жизни и культивировал, несмотря на запрет, религиозные обычаи такие, как, например, празднование Вечери воспоминания смерти Иисуса Христа. Упоминает автор и особо тяжелые моменты — например, когда, отбывая наказание в трудовых лагерях, он узнал, что его жена осуждена и приговорена к двум годам лишения свободы, а трое малолетних детей должны быть отправлены в детский дом. Мокрицкий рассказывает о попытках КГБ расколоть верующих, о судьбе людей, которые делали вид, что интересуются религией и при этом сотрудничали с властями, о показательных судах и работе коммунистических агитаторов.

Аналогичные вопросы обсуждают и другие авторы. Одной из первых опубликованных автобиографий, связанных с мас-

²⁴ M. Libiszowska-Żółtkowska, *Konwertyci nowych ruchów religijnych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2003, c. 153.

совыми депортациями и различными другими формами репрессий, является книга, изданная в Таллине под названием *Sinasilmitsi Siberiga. Mälestusteraamat 1951. aasta küüditamisest*²⁵. Ее автор Силликсаар, с которым я познакомился во время полевых исследований в Эстонии в 2010 году, работал над переводом своих воспоминаний на русский язык. Он планировал пополнить оригинальную эстонскую версию текста новыми элементами. После нашей встречи он прислал мне готовые к публикации 160 страниц машинописного текста — большую часть запланированного тиража. В ходе встречи со мной Силликсаар выразил обеспокоенность нынешним положением верующих, проживающих в России, привел примеры открытой дискриминации, рассказал о препятствиях, с которыми они сталкиваются при соблюдении обычаев религиозной жизни. Наблюдая тяжелое положение своих единоверцев в России, он был убежден, что публикация его автобиографического рассказа на русском языке в московском издательстве может предостеречь от применения властями радикальных мер против верующих и предотвратить повторение ситуации более чем полувекковой давности.

О ценности его повествования свидетельствует тот факт, что оно было включено в качестве исходного текста в работу государственной комиссии по изучению репрессивной политики оккупационных войск и выдано Министерством юстиции Эстонской Республики под названием *Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями 1940–1991*²⁶. В этой работе, подготовленной в течение двенадцати лет по заказу эстонского парламента, обсуждается репрессивная политика двух тоталитарных режимов и ее последствия для современной Эстонии. Рассказы очевидцев о событиях особенно ценны, когда источников не слишком много. Как упоминалось

²⁵ S. Silliksaar, *Sinasilmitsi Siberiga. Mälestusteraamat 1951. aasta küüditamisest*, EEsti Raamatu, Tallin 2001.

²⁶ Ю. Энусте, Э. Пармасто, Э. Тарвел, П. Варью, *Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями 1940–1991*, перев. А. Бабаджан, Т. Верхоустинская, Э. Вярэ, Justiitsministeerium, Tallin 2005, с. 46.

во введении к исследованию, ученым пока не удалось найти архивные документы России и Германии, которые могли бы пролить больше света на эту проблематику. Рассказ Силликсаара относится к первой из четырех частей *Белой книги* и касается потерь среди населения.

Силликсаар описал в хронологическом порядке события своего детства, когда он начал читать Библию, вспоминал предвоенные времена, сообщил о годах оккупации и боевых действиях, которые стали переломными моментами его жизни. Депортация 1951 года является кульминационным событием в его биографии, определяющим дальнейшую траекторию судьбы. Эта мысль подчеркивается уже в самом вступлении: «Я знаю точно, что раннее утро 1 апреля 1951 года изменило привычный уклад жизни сотен и сотен людей, оставляя в их душе неизгладимый след»²⁷. В глазах автора депортация тысяч семей Свидетелей Иеговы имеет особое значение для самих жертв, выделяется на фоне других сталинских депортаций и остается малоизвестной для общества. Однако ссылка в Сибирь в 1951 году не положила конец преследованиям, продолжавшимся до распада СССР. Верующих не допускали к надлежащему образованию и работе, запугивали со стороны КГБ, арестовывали, их ожидали суды и заключение в трудовые лагеря — все это часть истории Силликсаара и тысяч его духовных братьев и сестер. Религиозные гонения, сопровождавшие его с детства, казались бесконечными. Воспитывая собственных детей, автор продолжал сталкиваться с дискриминацией и репрессиями: его сыну угрожали исключением из школы за его политически нейтральную позицию, а он сам предстал перед судом в 1984 году.

Автором самых распространенных в русскоязычных странах, а также в Польше, воспоминаний о временах репрессий является Олег Голько, с которым мне довелось несколько раз встретиться во время полевых исследований в Украине. Он является редактором издания, в котором содержатся его

²⁷ С. Силликсаар, *Счастливы преследуемые за праведность. Со времен последней сталинской ссылки 1951 года*, Сильвер Силликсаар, Пылва 2017, с. 7.

собственные воспоминания и рассказы о других репрессированных *Свідки Єгови — сибірський маршрут*²⁸. В 2004 году появилось русскоязычное издание *Сибирский маршрут. Преследование религии в СССР. Рассказы, воспоминания, архивные документы, собранные ученым-архивистом, очевидцем описанных событий*²⁹. В том же году в Польше вышли рассказы Голько *Świadkowie Jehowy — sybirski trakt*³⁰. Последующие опубликованные мемуары не являются простыми переводами первого украиноязычного издания. Они отличаются не только графическим оформлением, но и содержанием: количеством рассказов, подборкой прилагаемых исторических материалов или фотографий.

Свідки Єгови — сибірський маршрут содержит, как и другие издания, ценную информацию о депортации, религиозной жизни в Сибири и быте изгнанников. Сам автор называет себя редактором — его книга представляет собой сборник воспоминаний, принадлежащих разным людям. Кроме того, туда включены также интервью с бывшим сотрудником КГБ, около шестидесяти архивных документов и некоторые данные о религии Свидетелей Иеговы. Следовательно, этот текст не является типичной автобиографией. Русская версия содержит дополнительную главу, в которой рассказывается о деятельности активного верующего — Павла Рурака. Что же касается польского издания, то его отличает дополнительная глава, содержащая текст стихотворения в поэме, написанной во время ссылки, *Узники веры*. Ее можно рассматривать как образец фольклорного творчества. Стихотворение, описывающее ход депортации, состоит почти из ста строф, которые включают в себя, как правило, четыре строки. С другой стороны, в польском издании нет главы, содержащей выдержки из посланных

²⁸ О. Голько, *Свідки Єгови — сибірський маршрут*, Фаворит, Львів 2002.

²⁹ О. Голько, *Сибирский маршрут. Преследование религии в СССР. Рассказы, воспоминания, архивные документы, собранные ученым-архивистом, очевидцем описанных событий*, Фаворит, Львів 2002.

³⁰ O. Golko, *Świadkowie Jehowy — sybirski trakt*, перев. С. Stojak, A propos, Wrocław 2004.

автору писем, отправители которых выражают благодарность за его вклад в популяризацию знаний о репрессиях против верующих при коммунистическом режиме.

В 2011 году появилось еще одно издание Голько — *Захартовані в Сибіру. Довідка розповідей та архівних документів, зібраних вченим-архівістом, живим свідком багатьох описаних подій*³¹. По замыслу Голько сборник является «хронологическим продолжением более ранних книг автора»³². В центре внимания рассказы «тех, кто сохранил веру в Бога, не сломился на допросах в советских застенках, пережил ссылку в Сибирь»³³. Книга дополнена, как и в предыдущих изданиях, новыми материалами: фотографиями, открытками, фрагментами документов, газетными вырезками и другими текстами.

Помимо Силликсаара и Голько, следует упомянуть еще одного автора, биография которого стала известна более широкой аудитории — Павла Рурака. Автобиография Рурака *Три ареста за истину* была опубликована в 2008 году³⁴. Автор, родом из Молдавии, начинает свой рассказ с описания своего дома и детства. Воспоминания о его юности, однако, связаны с преследованием, которое сопровождало автора до конца его жизни. В его повествовании показано давление, с которым сталкивались Свидетели Иеговы, живущие в Бессарабии, испытывающие ненависть со стороны румынских, а затем и советских властей. Основными моментами автобиографии являются три ареста, за которыми следуют судебные заседания, заканчивающиеся приговорами, и пребыванием в трудовых лагерях. Описание судьбы рассказчика представлено по причинно-следственному принципу и обо-

³¹ О. Голько, *Захартовані в Сибіру: добірка розповідей та архівних документів, зібраних вченим-архівістом, живим свідком багатьох описаних подій*, Літературна агенція Піраміда, Львів 2014.

³² Там же, с. 2.

³³ Там же.

³⁴ П. Рурак, *Три ареста за истину*, Літературна агенція Піраміда, Львів 2008.

гащено сведениями о политической ситуации, которая легла в основу событий.

Рурак в возрасте семидесяти девяти лет решил вспомнить прошлое и вернуться к пережитым зверствам. Невозможно вычеркнуть из памяти «патологических личностей, работающих в органах НКВД-МГБ-КГБ, которым доставляли удовольствие боль и страдания другого человека», а также «моральное, эмоциональное и физическое угнетение не только со стороны властей, но и тюремный контингент — людьми слабообразованными, психически неуравновешенными, агрессивными и деградировавшими»³⁵. Он представляет свой рассказ — содержащий конкретные «даты, имена людей и географию тех мест и событий» — для того, «чтобы можно было хотя бы частично понять те времена»³⁶.

Рурак пережил депортацию в 1951 году, а затем был приговорен судом — в общей сложности к сорока четырем годам трудовых лагерей. Его переживания, описанные в книге, позволяют взглянуть на малоизвестные до сих пор факты — состояние заключенных в Кенгирском лагере, положение осужденных в мордовских лагерях, формы наказания заключенных (содержание в одиночных камерах, методы психологического давления на верующих, конспиративную деятельность в период запрета). Автор также опубликовал написанное им стихотворение, выдержки из полученных им писем, а также копии документов, подтверждающих реабилитацию, и фотографии. По мнению украинского историка Ярослава Дашкевича, книга *Три ареста за истину* — это своеобразный дневник, который велся в течение сорока четырех лет во время «ужасного преследования Рурака и его родственников»³⁷.

Мемуарные книги — история жизни авторов и других верующих — не просто рассказ о преследованиях, которым подвергались Свидетели Иеговы во время тоталитарной власти

³⁵ О. Голько, *Захартвані в Сибіру...*, с. 7.

³⁶ П. Рурак, *Три ареста...*, с. 7–8.

³⁷ Там же, с. 3.

СССР. Они позволяют увидеть повседневную жизнь депортированных, больше узнать об участии, выпавшей на долю репрессированных из-за своих убеждений людей. Стоит добавить, что они написаны не ради осуждения тех, чье поведение отличалось от поведения авторов. Целью было укрепить веру единомышленников и показать, что человек в состоянии сохранить чистую совесть в тоталитарном обществе.

Следующие два из трех текстов, *Жизнь надеждой стоит* и *Вера обретенная дорогой ценой*, которые завоевали популярность среди виртуальных читателей, никогда не были напечатаны. С 2017 года, когда Свидетели Иеговы были запрещены судом, трудно говорить о какой-либо форме их существования в публичном пространстве. Третий текст *Ради имени Твоего* вышел в свет перед делегализацией общины и поэтому определенное количество книг могло появиться в бумажном варианте³⁸. Кроме того он доступен на официальном сайте издательства «Особая книга». Периодические издания, книги, брошюры и трактаты, опубликованные ранее, были внесены в официальный список экстремистских изданий. Неудивительно, что издательства могут бояться выпускать автобиографии членов вышеупомянутой религиозной общины. Однако, как это было во времена СССР, запрещенный контент может появиться в неформальном обороте и приобрести значительную популярность. Сегодня возможность распространять любую информацию доставляет интернет, который является для многих инструментом автобиографических практик³⁹. Виртуальное пространство позволяет авторам размещать кроме самого текста любое количество дополнительных материалов⁴⁰. Упомянутые мною тексты можно найти в виде аудиокниг или просто текстов,

³⁸ М. Пороховник, *Ради имени твоего*, Особая книга, Москва 2017.

³⁹ М. Więckiewicz-Archacka, *Od utrwalania do interakcji. Ewolucja praktyk autobiograficznych w internecie* // „Autobiografia. Literatura, kultura, media” 2021, № 1 (16), с. 167–179.

⁴⁰ К. Zdanowicz-Cygański, *Digital storytelling — sztuka dzielenia się opowieścią* // „Perspektywy Kultury” 2017, № 17 (2), с. 43–56.

достаточно написать их названия в браузере⁴¹. Я пытался связаться с автором одного из блогов, где были размещены автобиографии. Он написал мне, что ничего не знает об их происхождении.

Отличительной чертой текста Сергея Равлюка *Жизнь надеждой стоит* является строгая периодизация повествования. Текст состоит из 10 глав, которые отведены определенным периодам, совпадающим с политическими событиями. В каждой из глав выделены жирным шрифтом конкретные даты. В *Предисловии* автор представляет цель создания автобиографии:

Я в семьдесят шесть лет
Делюсь воспоминанием.
О том, что пережил.
Хочу всё рассказать.
Как помогала справиться
Надежда с испытанием,
Кому-то может будет
Интересно прочитать.

Семья Равлюка корнями из Прикарпатья, он сам родился, когда родители оказались в молдавском городе Глодяны. Среди воспоминаний времен раннего детства определенную ценность представляет описание периода войны (погром евреев, дислокация войск), а также духовная жизнь общины в послевоенный период. Автор упоминает об политических действиях, которые влияли на повседневность верующих: «Избирают Леонида Брежнева на пост секретаря коммунистической партии Молдовы. Сотни Свидетелей Иеговы в Молдове не принимают участия в выборах, и это не понравилось ни Кишиневу, ни Москве», комментируя их: «Несомненно, на Свидетелей Иеговы уже тогда озлобились» или «Преследование Свидетелей Иеговы в годы правления Сталина отличились особой жестокостью».

⁴¹ Приводя цитаты, я буду пользоваться текстами автобиографий из блога *Блог Сергея Иванова*, <https://biblepoisk.blogspot.com> (1.08.2022).

Уникальными стоит воспринимать упоминания, касающиеся высылки 1949 года, о которой (по сравнению с высылкой 1951 года) сохранилось немного свидетельств: «Верховный суд СССР решил провести в Молдове операцию „ЮГ“, по высылке Свидетелей Иеговы. Утром 6 июля 1949 года из нашего собрания было выслано 16 семей». Семьи верующих были доставлены в Курганскую область и распределены по районам. В 1950 году, как рассказывает автор, прошли другие виды репрессий со стороны коммунистов. Они коснулись родных Равлюка: его сестра Михайлина получила 25 лет лагерей и 5 лет высылки с конфискацией имущества; дядю Афанасия отправили в Спасск в лагерь для стариков-инвалидов «Степлаг», где в 1953 году он и умер; тетю Ульяну Ветвицкую с ее дочерью Зосей Золовецкой выдворили из их дома.

Автор открывает перед читателем картину подпольной религиозной деятельности в следующие десятилетия. Рассказывает о росте собраний, проведении встреч, организации подпольных типографий, снабжавших библейской литературой верующих, в том числе и заключенных. Дается также характеристика духовной жизни в заключении. Она всегда была связана с празднованием Вечери воспоминания смерти Иисуса Христа, несмотря на сопряженный с этим риск. Как пишет Равлюк, такие события объединяли общину: «Праздновали ее и братья в Мордовии, которые собрались в лагерьной столовой в количестве 350 человек». Находясь в тюрьме, автор тоже участвовал в праздновании:

Часов в 20 по местному времени мы все, 10 осужденных, собрались вместе, пригласили и охранника, он сидел на табурете у дверей и слушал. Мы спели песню, брат произнес молитву, другой произнес доклад по памяти восстановив его. Затем процитировал соответствующие места Писания в Евангелии от Матфея и Луки, послания Коринфянам и снова заключительная молитва и песня, после чего все разошлись.

Заканчивая свою биографию, Равлюк выражает надежду, что поможет она другим сблизиться с Богом. Он утверждает, что никто не может воспрепятствовать Богу. Языческий

Рим, нацистская Германия, коммунистическая система — «Где они?», спрашивает в конце.

Мариан Пороховник, автор *Ради имени Твоего*, родился в августе 1939 года на Украине, в самом сердце Карпатских гор, в поселке Гребенов Сколевского района Львовской области, которая в то время находилась под правлением Польши. В его воспоминаниях присутствует богатое описание Карпат, краев его детства. Он вырос в семье, в которой книги ценились как источник знаний и мудрости. Может быть, это было причиной стремительного интереса к религиозным вопросам. Автор рассказывает, как отец за несколько злотых купил книги на украинском языке *План веков*, *Арфа Божия* и еще одну книгу с множеством картинок *Фотодрама творения*, которые издавались Свидетелями Иеговы. «Отец очень интересовался чтением духовной литературы. Они вместе с матерью читали и обсуждали эти книги», хотя иметь их у себя дома было опасно. Из-за них с обыском приходили военные ночью: окружали дом, ставили автоматчиков, начинали стучать в дверь, врвались солдаты, поднимали всех с кроватей и начинался обыск. Пороховник вспоминает, что отец решил переписать Библию от руки в тетрадах, надеясь, что рукописные записи конфисковать не будут. У него были отдельные тетради — Притчи, Псалмы, пророки — по вечерам читал их семье.

Автор в самом начале определил цель запечатления в письменном виде своих воспоминаний. Он обратился к своим читателям:

Книга, которую ты сейчас держишь в руках, дорогой читатель, — это рассказ о моей жизни, о моих друзьях [...]. Я думаю, мой рассказ может послужить ободрением для братьев и сестер в тех случаях, когда в христианских семьях дети не сразу принимают истину [...]. Я очень благодарен Богу, что на моем жизненном пути я встречался с такими замечательными людьми, которые были примерами веры и мужества.

Согласно этому, в ходе знакомства с текстом мы узнаем конкретных людей, сыгравших в жизни Пороховника важную роль. Фотографии некоторых из них включены в автобиографию. Они выполняют важную роль в текстах всех биографий.

Фотография, часто пожелтевшая или выцветшая, является интересным документом, свидетельством существования людей, явлений, вещей, которых, может быть, даже уже нет ни в чьей памяти. Как утверждают некоторые, распространенная привычка фотографировать себя делает снимки главным свидетельством факта нашей жизни и записью тех изменений, через которые проходит каждый с течением времени⁴². Конечно, есть и документы: свидетельства о рождении, школьные аттестаты, свидетельства о браке и разводе, университетские дипломы, справки с места работы и свидетельства о смерти. Но трудно представить человека на их основе. Стоит добавить, что старая фотография может направить работу воображения.

Представленные в биографиях судьбы очень часто изображаются фотографией или ее репродукцией, что является наводящим на размышления дополнением к содержанию. Фотографии, включенные в тексты, подчеркивают необходимость запечатлеть этапы или моменты, которые авторы работ считали важными, а также людей, сыгравших особую роль в их жизни. Личные и семейные фотографии — важный и ценный материал в мемуарных текстах. Они имеют не только ментальное значение, но также очень часто действуют как катализатор воспоминаний и, следовательно, стимулируют воспоминания, служат для аутентификации воспоминаний, подтверждают идентичность и побуждают к рефлексивной ретроспективе⁴³. Фотографии, представленные в обсуждаемых текстах, предназначены для поддержки памяти⁴⁴. Поддержание автобиографической памяти, как утверждают исследователи, осуществляется путем документирования хода своего жизненного пути и заключается в основном в собирании фотографий.

⁴² J. Brach-Czaina, *Błony umysłu*, Dowody na Istnienie, Warszawa 2003, s. 95.

⁴³ M. Sulik, *Fotografia rodzinna w badaniach biograficznych — refleksje oraz inspiracje dydaktyczne* // „Dyskursy Młodych Andragogów” 2011, № 12, s. 238–248.

⁴⁴ T. Rzepa, T. Leoński, *Co zniekształca i wspomaga pamięć autobiograficzną? // „Opuscula Sociologica”* 2012, № 2 (2), s. 121–132.

О многих ситуациях из своего детства и юности Пороховник рассказывает, приводя разные подробности. Некоторые события ярко запомнились ему: «Наступил март 1953 года... Внезапно в класс вбежала наша классный руководитель, вся заплаканная. И говорит: „Сталин умер! Плачьте! Если кто не заплачет — поставлю единицу! Давайте плачьте!”». События из юной жизни рассказчика показывают, как сильно советская система давила на молодых людей и на отношения между членами семьи. В 1956 году автор поступил в Львовский кинотехникум, чтобы получить профессию киномеханика. В августе 1958 года его призвали в армию. Чтобы запугать родителей, местные власти, как пишет Пороховник, стали угрожать им: «Вы служите американскому империализму. Отрекитесь от Иеговы! Если не отречетесь, отнимем дом. Пусть Иегова даст вам крышу над головой!». Как вспоминает автор, в районе, где жили родители, собрали местных жителей, полагая, что мнение общественности повлияет на них. В другой раз был организован общественный суд, во время которого родителям автора дали заявление и потребовали расписаться, что «вы отказываетесь от Иеговы [...] Если вы не подпишете заявление, останетесь без дома!». В итоге этих происшествий наступили печальные события: приехали грузовые машины, милиция оцепила двор, после чего дом на глазах у всех развалили. Часть бревен разобрали на стройматериалы, а остальное сожгли. На месте дома, где остался каменный подвал, отец автора построил что-то наподобие жилища — землянку. Там его родители жили почти целый год.

Автобиография Пороховника, похоже, как и другие воспоминания членов общины, содержит много информации о разных видах репрессий, но она интересна также тем, что представляет взгляд изнутри. В ней упоминаются те, кто покинули общину или стали сотрудниками КГБ. Рассказывается о колебаниях и выборах, которые связаны с печальными последствиями. Упоминается о расколе, создавшемся под влиянием сотрудников КГБ. По словам автора:

Конечно, нашей организации в Советском Союзе пришлось нелегко: преследование за веру, попытки расколоть организацию изнутри, провока-

ции, шпионы. КГБ специально распускало слухи об отдельных братьях: этот шпион, тот предатель, чтобы мы не доверяли друг другу.

Стоит также подчеркнуть то, что именно в этом автобиографическом тексте много внимания уделено последним десятилетиям советского государства — периоду, когда наступало смягчение в отношении притеснения религии в коммунистической стране. Воспоминания ценны, потому что сам автор был участником или свидетелем важных событий таких как научные съезды, на которые профессора приглашали членов религиозных общин или международные конгрессы, организованные за пределами СССР.

Последняя автобиография озаглавлена *Вера обретенная дорогой ценой*. Она написана человеком, который изменил свои убеждения, находясь в заключении. Автором является Виктор Гутшмидт, родившийся в 1923 году в Автономной области немцев Поволжья, в селе Штефан, на Волге. Немецкие поселения, в которых много жителей придерживалось лютеранской веры, появились там 300 лет назад, во времена Екатерины II. Родители Гутшмидта в церковь ходили, «но чисто формально», поскольку не очень доверяли священникам, и кроме этого, отец был «полностью разочарован в религии». Во время войны по ложным обвинениям автор попал в лагерь и там впервые встретился со Свидетелями Иеговы.

Его воспоминания очень важны с точки зрения религиоведения, культуроведения или социологии. Они дают возможность наблюдать за тем, как проходит процесс изменения религиозных убеждений. Позволяют понять, что повлияло на единицу предпринять серьезные шаги и преобразить свою жизнь, неоднократно пересматривая ценности. Новые учения сильно воздействовали на Гутшмидта и он начал по-другому воспринимать происходящие события, даже полученный срок не казался ему препятствием — «Тюремный лагерь стал для меня прекрасным местом, потому что я оказался в духовном раю, общаясь с крепкими духом и верными братьями».

Гутшмидт в начале автобиографии упоминает также о своей жене, Полине, на которой женился после того, как она вышла

из лагеря после 10 лет заключения. Хотя Полина верила в идеи коммунизма, в мае 1944 года ее арестовали и выслали в трудовой лагерь в Воркуте «за якобы антисоветские высказывания». Три года ей ничего не говорили о причине ареста. Вначале она думала, что произошла ошибка и ее скоро освободят. Автор объясняет причины, почему, будучи коммунисткой, она решила принять учения Свидетелей Иеговы. По его словам, среди заключенных царил атмосфера озлобленности и грубости, развязности и разврата, отчаяния и апатии. От такого напряжения некоторые теряли рассудок. Заключенные никому не доверяли и ненавидели друг друга. Находившиеся в лагере были разобщены, каждый приспособлялся, как мог. Во всем проявлялись эгоизм и алчность. Однако среди них разительно отличалась от всех одна группа заключенных. Они «держались вместе, и казалось, были на удивление красивыми и опрятными, любезными и приветливыми». Среди них были молодые женщины и даже совсем юные девочки. Полина узнала, что они верующие, Свидетели Иеговы. В лагере их воспринимали по-разному. Одни были недоброжелательны и враждебны, но другие восхищались их взаимовыручкой. К примеру, когда одна из них заболела, другие сразу старались оказать помощь. В лагере это было особенно необычно. «Полину поразило, что, хотя эта группа была многонациональной, все они относились друг к другу дружелюбно».

Рассказ о прошлом Гутшмидта можно рассматривать как своего рода свидетельство жертвы советской пропаганды. Он вспоминает начало 1957 года, когда власти провели обыски и аресты многих Свидетелей Иеговы, в том числе и его. После суда в газетах было напечатано много клеветнических статей о Свидетелях Иеговы. В местах работы или учебы, а также в клубах выступали агитаторы, которые говорили, что Свидетели опасные люди. «Наши портреты, на которые было страшно смотреть, были вывешены на видных местах». Сначала арестованных постригли наголо, а через несколько недель их сфотографировали. Как замечает автор, «мы были похожи на настоящих преступников». Он вспоминает, что людей запути-

вали тем, что Свидетели Иеговы являются агентами американской разведки. Пропагандисты распространяли информацию, что Свидетели Иеговы хотят построить коммунизм с помощью Христа, а власти страны будут строить научный коммунизм.

Глава под заглавием *Лагерная жизнь* или *Мордовия* указывает в основном распорядок духовной жизни верующих в заточении. Например, автор рассказывает, что «среди Свидетелей Иеговы было принято избирать библейский стих для размышления на каждый день». Некоторые записывали его на теле, хотя это могло подвергнуть их опасности. Если в лагере появлялась проблема, которая угрожала всей группе верующих, «Братья собрались и помолились». В мордовском лагере было образовано 28 групп совместного изучения Священного Писания. Так как среди заключенных была лишь одна Библия на всех, был составлен график ее чтения. При первой же возможности верующие стали ее переписывать. В нескольких блокнотах содержались отдельные книги Библии, переписанные от руки, а сама Библия хранилась в надежном месте. Заключенные быстро научились прятать и передавать друг другу библейскую литературу. Они организовали религиозные встречи наподобие тех, которые проводились на свободе.

Предчувствуя приближавшуюся опасность жестких репрессий в современной России, автор записал в самом конце своего рассказа значимые слова:

Конечно, события, разворачивающиеся сейчас в России, не могут не тревожить наши старые сердца. Верующих людей стали притеснять с новой силой, сменились только слова: вместо «антисоветчины» теперь говорят «экстремизм». Но мы-то знаем, что у наших единомыслителей как не было, так и нет за душой никакого зла к ближнему, а только любовь. Меры против наших братьев всегда носили дискриминационный, репрессивный характер.

Представленные здесь автобиографические воспоминания рассматриваются прежде всего как важный исторический источник. Свидетели событий старались в мельчайших деталях воссоздать былую реальность. В текстах они приводили конкретные места, даты и людей. Некоторые прикрепили старые фотографии, которые характерным образом дополняют по-

вестование. Факты прошлого были воссозданы с большой тщательностью. Перед тем как приступить к записи воспоминаний, авторы старались к этому подготовиться: пытались восстановить собственную переписку или просматривали старые записи. У людей была возможность посетить места, о которых они вспомнили. Иногда они разговаривали с другими участниками событий, чтобы установить контекст или подробный ход конкретного мероприятия. Некоторые обращались за помощью к специалистам для уточнения деталей и использовали архивные материалы, которые впоследствии прилагали к своим публикациям. Благодаря этому окончательный текст представляет собой оригинальный и интересный «документ» событий прошлого.

Остается открытым вопрос, являются ли литературой представленные тексты, свидетельства прошлого — ведь «нелегко решить, когда и какое свидетельство [лично переживаемой коллективной судьбы] становится литературой»⁴⁵ — или насколько важное место занимают «пространства текстового мира культуры»⁴⁶. По наблюдениям некоторых исследователей, «промежуточные формы» находятся между двумя крайностями: «бесспорно литературными текстами» («лирическая поэма») и «нелитературными» («инструкция по эксплуатации холодильника»), «ускользающими от определений и строгой классификации»⁴⁷. Другие специалисты используют термин «паралитература»⁴⁸. Границы между многими категориями

⁴⁵ J. Jedlicki, *Dzieje doświadczone i dzieje zaświadczone* // Z. Stefanowska, J. Sławiński (ред.), *Dzieło literackie jako źródło historyczne*, Czytelnik, Warszawa 1978, с. 350.

⁴⁶ P. Rodak, *Wojna i zapis (o dziennikach wojennych)* // „Teksty Drugie” 2005, № 6, с. 45.

⁴⁷ E. Tabakowska, *Wyznaczniki literackości w przekładzie tekstów „nieliterackich”* // S. Grucza, A. Marchwiński, M. Płużyczka (ред.), *Translatoryka. Koncepcje — Modele — Analizy*, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2013, с. 144–155.

⁴⁸ E. Balcerzan, *Literackość. Modele, gradacje, eksperymenty*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 2013, с. 362.

творчества «подвижны», и создание строгих определений может привести к парадоксу⁴⁹.

Поэтому произведения репрессированных, представленные при таком подходе, я рассматриваю в первую очередь как запись опыта, документ сознания изучаемой социальной группы — представляющий собой уникальный текст, дающий информацию, необходимую для культурологического или литературоведческого исследования. Этот текст отвечает требованиям «литературного свидетельства», которое Мария Делапьер понимает следующим образом:

Литературное свидетельство поэтому колеблется между документом и автобиографией, хотя известно, что границы между этими тремя категориями подвижны: журнал, репортаж, автобиография могут относиться к категории литературы очевидцев при условии, что их доминирующим признаком будет лишь намерение донести свидетельство до адресата, которому предстоит не только узнать его, но и пережить⁵⁰.

Таким образом, литературное свидетельство тесно связано с воспоминаниями автора, которые в какой-то степени уходят в небытие и связаны с формой передачи прошлого. По мнению исследователя, писатель должен не только «свидетельствовать» о случившемся, но и искренне «свидетельствовать» об истинности своего сообщения. В первом случае речь идет о намерениях, т. е. мотивах, сопровождающих создание произведения. Второе отношение можно охарактеризовать как внимание и заботу о том, чтобы сообщение было верным и соответствовало ушедшей действительности. Автор свидетельства остается в определенном напряжении, так как ему приходится постоянно бороться с собственной памятью.

Под культурной практикой я понимаю автобиографии, документальные воспоминания, связанные с репрессиями, которые испытали Свидетели Иеговы со стороны тоталитарной системы Советского Союза. Попытки письменно зафиксировать собственные переживания заключенных на фоне пережи-

⁴⁹ M. Delaperriere, *Świadectwo jako problem literacki* // „Teksty Drugie” 2006, № 3, с. 62.

⁵⁰ Там же.

ваний всей группы способствуют сохранению и укреплению культурной идентичности изучаемой религиозной общности. Однако литературное самотворчество служит не только конструированию коллективной памяти группы⁵¹, но и позволяет индивидууму испытать терапевтическую силу, возникающую в результате использования «нарративных формул (культурных кодов)»⁵². Это помогает справиться с сильными эмоциями, которые «излагаются на бумаге» и предаются гласности.

В воспоминаниях ярко отразилась культурная модель жизни, которая состояла из самых разных элементов и где значительную роль сыграли систематические религиозные собрания, организованные даже в самых экстремальных условиях с риском для жизни, для свободы, под угрозой штрафа: ежегодный вечер, посвященный памяти смерти Христа, тайные собрания художественного характера, хоры, в которых пели песни. Кроме того сочинялись стихи, заучивались отрывки из Библии, которые потом представляли во время встреч. Культурные повествования Свидетелей Иеговы содержат в себе образы прошлого, которые важны для всего общества верующих сегодня. Когда авторы вспоминали свои жизненные истории, они в первую очередь упоминали о жестокой депортации, о высылке в товарных вагонах, в которых путешествие в нечеловеческих условиях длилось три и больше недель. Но стоит отметить, что наравне с рассказами о травматических переживаниях авторы рассказывают и о духовной стороне жизни — своей собственной и всей общины. Они вспоминают об организованных религиозных собраниях, проповеди Слова Божьего, печати и распространении запрещенной тогда литературы, говорят о повседневных обрядах, обычаях, ритуалах,

⁵¹ Cp. A. Rokuszewska-Pawełek, *Chaos i przymus. Trajektorie wojenne Polaków — analiza biograficzna*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2002; Той же, *Druga wojna światowa — pamięć i tożsamość II* „Kultura i Społeczeństwo” 2001, № 3–4; B. Szacka, *Czas przeszły, pamięć, mit*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2006.

⁵² J. Hajduk-Nijakowska, *Żywioł i kultura. Folklorystyczne mechanizmy osvajania traumy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2005, c. 30.

таких как крещение, молитва, совместное чтение Библии и т. д. Депортация и пребывание в трудовых лагерях стало частью их жизненного пути, который несет в себе определенный опыт.

Сравнивая представленные выше опубликованные воспоминания репрессированных членов конфессии Свидетелей Иеговы с воспоминаниями, которые я получил в ходе интервью — функционирующих в устной форме — я вижу явную разницу. Тереза Смолинська, анализируя несоответствие между устными и письменными материалами, заметила, что «письменная память» в целом имеет

более полную форму, хронологически упорядоченную [...] в то время как авторы в письменных источниках (главным образом в дневниках, хрониках и т. д.) пытаются представить достаточно полную картину умерших предков или собственную «биографию», рассказчик делает форму устных воспоминаний главным образом зависимой от конкретной ситуации и аудитории⁵³.

Я заметил, что участник интервью чаще вспоминал те фрагменты прошлого — людей, места, события, — которые ему казались важными и интересными «здесь и сейчас», и не всегда соблюдалась хронология событий. Я также пришел к выводу, что ситуация с интервью, сопровождаемая элементом непредсказуемости, повлияла на выбор представленного содержания. Заданный вопрос, случайное знакомство с документом и фотографией иногда может вызвать сильные эмоции или хаос в сознании собеседника. Кроме того, что устная биография формируется при взаимодействии двух людей. Определенный вклад в нее исследователь вносит через коммуникативное поведение, которое помогает строить мир автобиографического текста, и даже может управлять подбором фактов из жизни рассказчика, появляющихся в повествовании⁵⁴.

⁵³ T. Smolińska, *Rodzina o sobie. Folklorystyczny aspekt rodzinnej tradycji kulturowej*, Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu, Opole 1992, с. 138 (перев. Т.Б.).

⁵⁴ J. Labocha, *Tekst, wypowiedź, dyskurs w procesie komunikacji językowej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2008, с. 98–99.

Иная ситуация, когда над письменным текстом работает только автор, тогда этот текст не является результатом единоразового события. Автор имеет возможность исправлять, дополнять собственный рассказ, полагаясь только на свою память.

Тексты жертв коммунистического тоталитаризма тесно связаны с автобиографической памятью, которая считается особым типом памяти. В первую очередь эта память касается индивидуальной истории данного человека и архивирует воспоминания, имеющие эмоциональную ценность для него. Упоминание о прошлом сопровождается специфическим повествованием. Прошлое используется таким образом, чтобы создать осмысленный образ собственной истории и идентичности, а также помочь сформировать собственный образ, что часто может происходить за счет упрощений. Важность нарратива как способа восприятия своей идентичности и детерминанты автобиографической памяти подчеркивают и психологи, и философы, и литературоведы. Авторы автобиографий используют соответствующие нарративные стратегии. В итоге три временных опыта — прошлое, настоящее и будущее — согласуются и взаимопроникают в повествовании.

Независимо от того, как мы будем расценивать мемуарные тексты, они до сих пор живы и несут важную часть исторического и культурного наследия. Они также выполняют определенную функцию — позволяют группе еще больше укреплять узы между ее членами и передавать ценности, к которым должны стремиться. Анализ мемуарных текстов доказывает, что преследования и любые репрессии можно перенести, ведь сильная идея и людей делает сильными.

Рассмотренные автобиографии являются ценным материалом, поскольку рассказы отдельных авторов позволяют реконструировать образ и историю преследуемого религиозного меньшинства, а также содержат сведения о малоизвестных событиях, связанных с положением этой группы в СССР. Автобиографические тексты дают информацию, дополняющую выводы, сделанные на основе анализа только архивных документов о депортациях и других формах репрессий, направ-

ленных против верующих. Более того, они позволяют наблюдать за такими процессами, как формирование стереотипов и маргинализация. Также стоит подчеркнуть, что благодаря текстам, написанным представителями меньшинства, можно увидеть прошлое с точки зрения тех, кто в нем участвует.

REFERENCES

- Balcerzan, Edward. *Literackość: modele, gradacje, eksperymenty*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2013.
- Biliński, Krzysztof. *Hiobowie XX wieku. Wspomnienia Świadków Jehowy (Badaczy Pisma Świętego)*. Wrocław: Wydawnictwo Pagina, 1998.
- “Blog Sergeya Ivanova.” <https://biblepoisk.blogspot.com>. Accessed 1 August 2022 [“Блог Сергея Иванова.” <https://biblepoisk.blogspot.com>. Дата обращения: 1 августа 2022].
- Brach-Czaina, Jolanta. *Błony umysłu*. Warszawa: Dowody na Istnienie, 2003.
- Bugaj, Tomasz. *Pamięć represji. Świadkowie Jehowy w Związku Radzieckim*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2021.
- Bugaj, Tomasz. “Sovremennoye proyavleniye form fol’klora: ustnyye rasskazy, pesni i stikhi presledovannykh za veru Svideteley Iyegovy v Sovetskom Soyuze.” *Materialy do ukraïnskoyi etnologiyi*, no. 13 (16), 2014: 200–205 [Бугай, Томаш. “Современное проявление форм фольклора: устные рассказы, песни и стихи преследованных за веру Свидетелей Иеговы в Советском Союзе.” *Матеріали до української етнології*, № 13 (16), 2014: 200–205].
- Daxemuller, Christian. “Solidarność i wola przetrwania — postawa religijna i normy postępowania Świadków Jehowy w obozach koncentracyjnych.” *Najodważniejsi byli zawsze Świadkowie Jehowy. Prześladowania i sprzeciw Świadków Jehowy w okresie reżimu hitlerowskiego*. Ed. Hesse, Hans. Transl. Matelska, Aleksandra, Haas, Justyna. 29–46. Wrocław: A propos, 2010.
- Delaperrière, Maria. “Świadectwo jako problem literacki.” *Teksty Drugie*, no. 3, 2006: 59–70.
- Dornik, Henryk. *Wytrwałem dzięki miłości Bożej*. Wrocław: A propos, 2007.
- Enuste, Yulo, et al. *Belaya kniga o poteryakh, prichinennykh narodu Estonii okkupatsiyami 1940–1991*. Transl. Babadzhan, Andrey, Verkhoustinskaya, Tat’yana, Vyarya, Eynar. Tallin: Justiitsministeerium, 2005 [Энусте, Юло, и др. *Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями 1940–1991*. Перев. Бабаджан, Андрей, Верхоустинская, Татьяна, Вяря, Эйнар. Tallin: Justiitsministeerium, 2005].
- Garbe, Detlef. *Zwischen Widerstand Und Martyrium: Die Zeugen Jehovas im “Dritten Reich”*. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1994.
- Girtler, Robert. “Strategien der Formmigkeit In Subkulturen.” *Volkskundetagung 1989 in Graz (Buchreihe der osterreichischen Zeitschrift fur Volkskunde, N.S.*

- Bd. 8). Ed. Eberhart, von Helmut, Horandner, Edith, Pottler, Burkhard. 367–388. Vien: Selbstverlag Verein für Volkskunde, 1990.
- Gołko, Oleg. *Sibirskiy marshrut. Presledovaniye religii v SSSR. Rasskazy, vospominaniya, arkhivnyye dokumenty, sobrannyye uchenym-arkhivistom, ochevidtsem opisannykh sobytii*. Lviv: Favorit, 2002 [Голько, Олег. *Сибирский маршрут. Преследование религии в СССР. Рассказы, воспоминания, архивные документы, собранные ученым-архивистом, очевидцем описанных событий*. Львів: Фаворит, 2002].
- Gołko, Oleg. *Svidki Egoi — sibirskiy marshrut*. Lviv: Favorit, 2002 [Голько, Олег. *Свідки Єгови — сибірський маршрут*. Львів: Фаворит, 2002].
- Golko, Oleg. *Świadkowie Jehowy — sybirski trakt*. Transl. Stojak, Czesław. Wrocław: A propos, 2004.
- Gołko, Oleg. *Zagartovani v Sibiru: dobirka rozpovidey ta arkhivnikh dokumentiv, zibranih vchenim-arkhivistom, zhivim svidkom bagat'okh opisanih podiy*. Lviv: Literaturna agentsia Piramida, 2014 [Голько, Олег. *Загартовани в Сибіру: добірка розповідей та архівних документів, зібраних вченим-архівистом, живим свідком багатьох описаних подій*. Львів: Літературна агенція Піраміда, 2014].
- Hajduk-Nijakowska, Janina. *Żywioł i kultura: folklorystyczne mechanizmy oswojania traumy*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005.
- Jedlicki, Jerzy. “Dzieje doświadczone i dzieje zaświadczone.” *Dzieło literackie jako źródło historyczne*. Ed. Stefanowska, Zofia, Sławiński, Janusz. 344–371. Warszawa: Czytelnik, 1978.
- Kater, Michael H. “Die Ernsten Bibelforscher im Dritten Reich.” *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 17, no. 2, 1969: 181–218.
- Kroczyliśmy wąską drogą. Wspomnienia Jana i Ireny Otrębskich*. Ed. Boczek, Aleksandra. Wrocław: A propos, 2008.
- Kusserow, Hans Werner. *Fioletowe trójkąty. Rodzina Kusserowów. Autentyczna relacja naocznego świadka*. Transl. Boczek, Aleksandra. Wrocław: A Propos, 2010.
- Labocha, Janina. *Tekst, wypowiedź, dyskurs w procesie komunikacji językowej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008.
- Libiszowska-Zótkowska, Maria. *Konwertyci nowych ruchów religijnych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003.
- Liebster, Max. *Promyk nadziei w nawałnicy nazistowskiej. Historia ocalałego z holocaustu*. Transl. Boczek, Aleksandra. Wrocław: A propos, 2008.
- Liebster, Simone Arnold. *W paszczy lwa. Mała dziewczynka stawia czoło reżimowi hitlerowskiemu*. Transl. Boczek, Aleksandra. Wrocław: A propos, 2007.
- Matelska, Aleksandra. “...w miłości nie ma bojaźni”. *Nazistowskie prześladowania Świadków Jehowy w Polsce*. Wrocław: A propos, 2009.
- Mokritskiy, Sergey I. *Put' khristianina*. Moskva: Osobaya kniga, 2012 [Мокрицкий, Сергей И. *Путь христианина*. Москва: Особая книга, 2012].
- Nesomnennaya volya. Neobychaynoye muzhestvo obychnogo cheloveka. Istoriya vuzhivshogo v natsistkikh konclageryax. Leopold Engleytner, god rozhdeniya 1905*. Ed. Rammerstorfer, Bernard. Moskva: Osobaya kniga, 2011 [Несомненная воля. Необычайное мужество обычного человека. История]

- выжившего в нацистских концлагерях. Леопольд Энглейтнер, год рождения 1905. Ред. Раммерсторфер, Бернард. Москва: Особая книга, 2011].
- Odintsov, Mikhail I. *Sovet Ministrov SSSR postanovlyayet: "vyselit' navechno!"*. *Sbornik dokumentov i materialov o Svidetelyakh Iyegovy v Sovetskom Soyuze (1951–1985 gg.)*. Moskva: Art-Biznes-Tsentr, 2002 [Одинцов, Михаил И. Совет Министров СССР постановляет: «выселить навечно!». Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). Москва: Арт-Бизнес-Центр, 2002].
- Porokhovnik, Mariyan. *Radi imeni Tvoeyego*. Moskva: Osobaya kniga, 2017 [Пороховник, Мариан. *Ради имени твоего*. Москва: Особая книга, 2017].
- Rodak, Paweł. "Wojna i zapis (o dziennikach wojennych)." *Teksty Drugie*, no. 6, 2005: 33–45.
- Rokuszewska-Pawelek, Alicja. *Chaos i przymus: trajektorie wojenne Polaków: analiza biograficzna*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2002.
- Rokuszewska-Pawelek, Alicja. "Druga wojna światowa: pamięć i tożsamość." *Kultura i Społeczeństwo*, no. 3–4, 2001: 167–180.
- Rurak, Pavel. *Tri aresta za istinu*. Lviv: Literaturna agentsia Piramida, 2008 [Пурак, Павел. *Три ареста за истину*. Львів: Літературна агенція Піраміда, 2008].
- Rzepa, Teresa, Leoński, Tymoteusz. "Co zniekształca i wspomaga pamięć autobiograficzną?" *Opuscula Sociologica*, no. 2 (2), 2012: 121–132.
- Schmidt, Hermine. *Ocalona radość. Wspomnienia młodej dziewczyny z 1925–1945*. Transl. Seifert, Danuta, Boczek, Aleksandra. Wrocław: A propos, 2009.
- Shmidt, Khorst. *Smert' prikhodila v ponedel'nik. Avtobiografiya cheloveka, stavshogo zhertvoy presledovaniyu za otkaz sluzhit' v natsistskoy armii*. Moskva: Osobaya kniga, 2009 [Шмидт, Хорст. *Смерть приходила в понедельник. Автобиография человека, ставшего жертвой преследований за отказ служить в нацистской армии*. Москва: Особая книга, 2009].
- Silliksaar, Silver. *Schastlivy presleduyemyye za pravедnost'. So vremen posledney stalinskoj ssylki 1951 goda*. Pylva: Silver Silliksaar, 2017 [Силликсаар, Сильвер. *Счастливы преследуемые за праведность. Со времен последней сталинской ссылки 1951 года*. Пылва: Силликсаар, Сильвер, 2017].
- Silliksaar, Silver. *Sinasilmitsi Siberiga. Mälestusteraamat 1951. aasta küüditamisest*. Tallin: EEsti Raamatu, 2001.
- Smolińska, Teresa. *Rodzina o sobie: folklorystyczny aspekt rodzinnej tradycji kulturowej*. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu, 1992.
- Sulik, Monika. "Fotografia rodzinna w badaniach biograficznych — refleksje oraz inspiracje dydaktyczne." *Dyskursy Młodych Andragogów*, no. 12, 2011: 238–248.
- Szacka, Barbara. *Czas przeszły, pamięć, mit*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006.
- Tabakowska, Elżbieta. "Wyznaczniki literackości w przekładzie tekstów 'nieliterackich.'" *Translatoryka. Koncepcje — Modele — Analizy*. Ed. Grucza, Sambor, et al. 144–155. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kulturologii i Lingwistyki Antropocentrycznej Uniwersytetu Warszawskiego, 2013.

Więckiewicz-Archacka, Marta. "Od utrwalania do interakcji. Ewolucja praktyk autobiograficznych w internecie." *Autobiografia. Literatura, kultura, media*, no. 16, 2021: 167–179.

Zdanowicz-Cyganiak, Katarzyna. "Digital storytelling — sztuka dzielenia się opowieścią." *Perspektywy Kultury*, no. 17 (2), 2017: 43–56.